

Евгения Максимович

Uniwersytet w Białymstoku

maximovitch@interia.pl

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ СМИ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Актуализация тематически ограниченной лексики в русском языке новейшего периода представляет собой повышение функциональной значимости и частотности употребления словесных знаков, которые в советское время относились к разряду лексики малоупотребительной по причинам идеологического или морально-этического характера. Актуализированная тематически ограниченная лексика составляет весьма многочисленную группу среди всей актуализированной лексики русского языка новейшего периода. В ее состав входит религиозная лексика. Вообще, под понятием «религиозная лексика» имеются в виду лексические единицы, функционирующие преимущественно в языке религии, то есть в «языке, которым пользуются люди в рамках их религиозного поведения»¹.

К примеру, фразеология новозаветного происхождения с ее образной системой, яркой выразительностью, колоритом и глубоким нравственным содержанием отнюдь не является застывшей массой устаревающих слов. Интерес к библейским выражениям в последнее время значительно усилился. Следствием этого стало увеличение удельного веса библеизмов в новейших словарях и справочниках, в живой повседневной, особенно публицистической, речи. Но, к сожалению, обнаруживается тенденция к злоупотреблению меткими евангельскими фразами, к превращению их в штампы. Это становится

---

¹ Макуховская М., 2002, *Функционирование современного польского языка. Язык религии*, Ополе, с. 369–402.

все более прискорбным и проблематичным, потому что очень часто люди употребляют библейские выражения без точных знаний об их значении.

Одной из любопытных особенностей современных российских СМИ является широкое использование религиозной и устаревшей лексики. Обращение к данной лексике обусловлено социокультурными и политическими переменами, происходящими в российском обществе.

Как указывается в научной литературе, возвращению в узус устаревшей лексики, бывшей неупотребительной, способствует тенденция к возрождению утраченных в ходе истории общественных реалий, культурных ценностей и духовных традиций русского народа, а также «переосмысление исторического пути развития страны» и отсутствие четкого социального ориентира. В связи с этим устаревшие словесные единицы выступают, как правило, в функции номинации новых реалий современной российской действительности и используются для «заполнения возникающих референциальных лакун»².

В последнее время устаревшая церковнославянская и религиозная лексика активно используются современными масс-медиа. Рассчитанные на массового читателя и слушателя, современные публицистические и массово-коммуникативные тексты, воспроизводя стандартные языковые модели, обращаются к устаревшей лексике для большей эмоциональности, экспрессивности.

Новая социокультурная ориентация проявляется, в частности, в том, что новые явления и предметы общественной жизни получают названия, существовавшие в дореволюционной политической лексике – *Дума, губернатор, суд присяжных* и др. До недавнего времени эти слова и выражения рассматривались как историзмы, а сегодня они снова вошли в активный словарь каждого хотя бы немного политически активного россиянина. Особым случаем актуализации устаревших единиц языка является актуализация религиозной и церковно-славянской лексики (см. работы В. Г. Костомарова, Е. В. Какориной, Е. С. Кара-Мурзы, В. Москвича, Л. П. Кременцова).

Исследователь проблем современного русского языка Е. В. Како-

---

² Какорина Е. В., 1996, *Трансформация лексической семантики сочетаемости (на материале газет). Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, Москва, с. 67–68.

рина рассматривает следующие случаи использования религиозной лексики в современных массово-коммуникативных текстах: 1) актуализация первичного значения конфессиональных лексем; 2) использование данных лексем в переносном значении; 3) оживление старых метафор и создание новых метафорических образов³.

Актуализация первичного значения конфессионализмов и библеизмов стало следствием изменения отношения светской власти и СМИ к православной церкви в 80–90 гг. Статьи о строительстве, реконструкции и освящении храмов, возрождении приходов, официальная хроника, интервью с правящими иерархами Русской Православной церкви, со священнослужителями и мирянами, проповеди и тексты, составленные самими православными священниками – все это отражает социокультурные изменения за последние пятнадцать лет. Религиозная лексика в таких текстах употреблена по своему прямому назначению. Например:

“...В храме служатся *панихиды*, проводятся *крещения* и *венчания*. Но для проведения богослужений в полном объеме необходимо восстановить *иконостас*, провести свет и отопление, восстановить роспись и внутреннее убранство *храма*. Ко всем, кому близки и понятны исторические и духовные ценности России, *настоятель* храма священник Петр Григорьев и его *прихожане* обращаются с просьбой оказать посильную материальную и *молитвенную помощь* в возрождении *храма*” (“Народная газета”, 25.12.99.).

На начальном этапе актуализации такие слова воспринимались как что-то новое и необычное, так как был открыт целый пласт русской культуры, забытый, чудом доживший до наших дней. Со временем эти слова стали привычны для нашего слуха и восприятия.

Интерес современных авторов публицистических текстов к религиозной тематике в большинстве случаев ограничивается внешними сторонами православного культа и не идет вглубь, не затрагивает духовно-философских основ возрождаемой религии. Яркий пример такого поверхностного подхода к религиозной тематике – тексты, которые в начале 90-х появлялись на страницах журнала “Домовой”. Авторы “Домового” предпринимали попытки возродить некоторые элементы быта дореволюционного российского дворянства, сделать эти элементы нормой для класса так называемых “новых русских”.

³ Там же, с. 72.

При этом религиозная практика, по замыслу авторов “Домового”, должна была стать составной частью воссоздаваемого “новодворянского” быта:

“Вот потянул за край одеяла, тихо урча, ваш английский бигль... и рука вашей любимой выпросталась из *ковчег* сна, чтобы почесать пса за каштановым ухом... И уже с легким шорохом начал скручиваться край бересты, подоженный тонкой лучинкой. <...> Как доверчиво дерево к огню. Собачьи уши – женской руке. А елки – полету белок. И как особенно доверчивы женщины, ждущие ребенка, потому что *вифлиемская ночь* осветила такую прозаическую вещь, как беременность. Женщины знают: чудо во чреве их само беспомощное, и за него радеют и Мать, и *волхвы*, и ослик, и *рождественская звезда*. <...> Ступивши однажды на каменный берег Манхэттена, плутая между поддельными “ролексами” и настоящими американцами, среди пластикового веселья и брильянтового стекла, я, *православный*, будто из-под тяжелой воды вынырнул в католическом соборе Св. Джона... Пусть воздух тут был чужим, но он был воздухом, по которому, не касаясь плит, плыла невеста в кисее. <...> И эта кисея, еще скрывавшая *ковчег ее чрева*, скоро должна быть приподнята, чтобы дитя едва слышно мог шепнуть из-за кулис свое “пророчество...” (“Домовой”, 1993, № 4, с. 1).

В приведенном отрывке автор в качестве выразительных средств, помимо религиозной лексики, использует архаизмы, фразеологизмы, метафору и различные синтаксические средства экспрессивной речи. Очевидно, что все представленные здесь средства рассчитаны на внешний эффект. С их помощью автор создает атмосферу театрального действия: есть тут и ослик, и вертеп, и волхвы, и младенец за кулисами.

Понятно, что такое понимание религиозной темы не имело ничего общего с подлинным возрождением нового христианского мировоззрения и миропонимания, основой которых является серьезное и ответственное отношение к явлениям жизни (в том числе, и к фактам языка). К сожалению, таких примеров, как вышеуказанный, можно приводить множество.

Библеизмы, будучи широко употребительными в разговорной речи, в литературе и в средствах массовой информации, приобрели новое, переносное значение, являющееся иногда единственно идентифицируемым, а в лучшем случае более близким и понятным,

чем исходное. Даже в случае признания библейского происхождения высказывания реципиенты используют его в переносном значении, часто для описания бытовых, приземленных вещей⁴.

Одним из случаев употребления религиозной лексики в переносном значении является следующий пример:

“Нет-нет да услышишь ныне о том, что «партия должна *покаяться*». Призыв звучит красиво. Но не очень ясно, кто в чем должен повиниться и за чьи грехи” (“Правда”, 28.05.90).

“Можно говорить о *втором пришествии* правых в политику” (НТВ, “Итоги”, 19.12.99).

Часто одно и то же слово или выражение в речевой практике современных СМИ используется как в своем прямом, так и в переносном значении: Собор был открыт с *благословения* Патриарха – С *благословения* Президента была принята новая экономическая программа Правительства.

В зависимости от намерений и предпосылок автора религиозная лексика может наполняться высоким содержанием, передавать высокий благородный стиль, а может быть средством иронии, средством негативной оценки описываемого предмета или события. Определенное сходство между отдельными сторонами светской жизни и богослужебной практикой, деятельностью политика и катехизаторской деятельностью позволяет использовать религиозную лексику для создания новых метафорических образов.

Отметим здесь столь часто встречающееся в современных публицистических и массово-коммуникативных текстах метафорическое использование библейских номинаций для описания современных предметов и событий:

“Но кровавые гонения на католиков, санкционированные из *логова Мамоны*, не взволновали «непогрешимого» папу” (“Наш современник”, 1993, № 6, с. 96).

Между тем в речевом пространстве современных СМИ отмечаются более сложные обращения к историческому контексту. Имеются в виду те случаи, когда устаревшая лексика выбирается участниками общения как экспрессивное средство языка. При этом обычно делается ставка на оценочный аспект, содержащийся в актуализированном слове.

---

⁴ Прибытько Е. Н., 2002, *Библеизмы в языке современных газет*, Воронеж.

К числу таких сложных случаев обращения к историческому контексту относятся библеизмы, библейские перифразы и аллюзии, пересказы ветхо- и новозаветных сюжетов. Примеры использования данных языковых единиц можно найти в политических выступлениях, в перевыборных плакатах, а также в рекламе. Поводы обращения к такому материалу различны, степень точности воспроизведения исторического текста также неодинакова:

“У нас ведь, как в *Писании*: *Хам* пшеницу сеет, *Сим* молитву деет, *Яфет* – власть имеет! Строевым офицерам нашей экономики предназначалась роль *Хамов*” (“Огонек”, 1990, № 40, с. 2).

“Эта уютная, ухоженная школа с приветливыми доброжелательными учителями похожа на *нов ковчег*” (“Вместе”, 1999, № 21, с. 3).

Следует отметить, что такие единицы языка в текстах массовой коммуникации используются в переносном значении или служат материалом для создания новых метафорических образов. При этом, если в журналистике советского и постсоветского периодов данные языковые единицы по идеологическим причинам были представлены довольно ограниченно, то в последние годы данный пласт лексики стал использоваться более активно. В условиях демократизации российского общества религиозная лексика в текстах СМИ оказывается востребованной.

Использование библейских образов характерно также для предвыборных воззваний и плакатов. Здесь тоже имеются излюбленные темы и сюжетные ходы:

“На сотню хитрых и жадных всегда приходится миллионы простых и честных, но обманутых и обнищавших. Это знал *Христос*, *изгнавший торгующих из храма*, об этом писал Гете, знали об этом лучшие умы человечества всех времен. Но в реальной жизни только коммунисты Ленин и Сталин *изгнали «торгующих»* из общества. <...> Голосуйте за коммунистов, *изгнавших из своих рядов, как Христос из Храма, всех торгошней и иуд*” (“Советская Россия”, 15.12.99).

“Наша цель – победить и вернуть народу его право самому выбирать свою власть. Стать ее подлинным хозяином. *Изгнать менял из Храма*” (“Народная газета”, 16.11.99); “*Торговцы в храме*. Скандал с оформлением храма Христа Спасителя – не творческий, а финансовый” (“Московское Яблоко”, 1999, № 11, с. 1).

В. Г. Костомаров отмечает, что “мода” на использование речевых моделей церковно-славянского языка обнаружила себя уже

в послевоенной журналистике. Широко представлены эти единицы языка в публицистике 80-х годов, а в речевом пространстве современных СМИ они из разряда экспрессива перешли в разряд стандартных элементов массово-коммуникативного языка⁵:

“Расизм в США давно стал *притчей во языцех*” (“Политическое самообразование”, 1981, № 8, с. 70), “В кругу знакомых давно стал *притчей во языцех*” (Литературная газета, 30.04.83), “Вот вам *уничтожение*, что *паче любой гордости*” (Известия, 07.04.83).

Либеральные журналисты чаще всего используют библейскую фразеологию как средство иронии и сатиры. Так, например, В. Новодворская, намекая на тройное отречение апостола Петра, пишет о недостойном, по ее мнению, поведении губернатора Аяцкова: “Губернатор Аяцков планировался на роль представителя «земель русских». Но продержался он в этой роли одну ночь. <...>. И хотя губернатор давал «подписать» лично Е. Гайдару, он отрекся, *не дожидаясь никаких петухов*” (“Новое время”, 1998, № 50, с. 21). В другом месте она же, характеризуя политическую ситуацию, приводит известное изречение Иоанна Крестителя: “Оказалось, что *«уже и секира при корне дерев лежит»*, причем не в переносном, а в прямом смысле”.

Сегодня обращение к библейской истории, к религиозной и устаревшей лексике означает восстановление коммуникативных связей между современностью и прошлым. Процесс этой коммуникации сопровождаются помехи, которые создают дополнительные трудности при восприятии информации, появляющейся в современных российских СМИ.

Причиной этих помех является незнание глубинного смысла, который содержит текст источника. Отсюда и неверная интерпретация слов, содержащихся в этих текстах.

Лексическая трансформация, которая предусматривает использование и манипуляции с одним из элементов фразеологизма является одним из самых популярных журналистских приемов. Однако именно в случае с библеизмами этот прием дает скорее отрицательные с точки зрения культуры речи результаты.

Так два прекрасных оборота из Нового Завета: **не хлебом единым** и **камень преткновения** стали структурными стереотипами для

---

⁵ Костомаров В. Г., 1997, *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*, Москва, с. 59–60.

множества «творений» типа: «*Не сыром единым*», «*Не жиром единым*», «*Не углем единым*», а также «*Льготы преткновения*», «*Острова преткновения*», «*Гора преткновения*» и т.п. Это заголовки лишь из двух популярных российских газет «Правды» и «Известий». В результате трансформации появился и такой заголовок «*Человеку – человеково, роботу – роботу*», созданные на основе выражения «**Кесарю – кесарево, а Богу – Божье**». Такой процесс религиозных искажений является свидетельством падения культуры речи российских граждан.

Это обстоятельство, наряду с другими, дает право говорить о проблеме дисфункционального использования актуализированных единиц языка. Под дисфункциональным использованием актуализированных единиц понимаются случаи, когда автор обращения приписывает лексеме неверное значение, отчего возникает эффект, автором этого сообщения не планируемый⁶.

Приведенные примеры дают основание утверждать, что актуализированные библеизмы в речевом пространстве современных СМИ используются для выражения определенного оценочного содержания. На страницах газет и журналов обычно используются взятые из Библии слова с элементом негативного, которые произносятся от имени народа и общества и вплетаются в общий стилистический рисунок того или иного средства массовой информации. Использование библеизмов на страницах современных светских газет является не всегда корректным. Наблюдаются семантические и грамматические неточности в их употреблении, которые довольно часто затрудняют понимание текстов, содержащих данные выражения, слова и словосочетания. Однако серьезные последствия возникают в результате бестактного использования библеизмов, содержащих священные христианские понятия. Подобные ситуации не только оскорбляют чувства верующих, но и затрудняют формирование этических и эстетических представлений молодого подрастающего поколения.

Между тем, примеры правильного и осознанного употребления религиозной лексики в речевом пространстве современных СМИ найти чрезвычайно трудно. Парадоксально, что и для авторов, подчеркивающих свою приверженность к традиционным религиозным ценностям, реальное содержание этих ценностей в большинстве случаев продолжает оставаться неизвестным или довольно

---

⁶ Прядко И. П., 2011, *Библейская лексика на страницах современных СМИ*, Москва.

сомнительным. Язык «обнажает» дух: по тому, как употребляются элементы языковой архаики, мы можем судить о том, насколько серьезно и ответственно относится говорящий и пишущий к содержанию. И если древняя лексика в современных публицистических и массово-коммуникативных текстах является лишь элементом яркой языковой игры, то мы можем предположить, что и та духовная реальность, которая данными лексемами обозначена, для современных журналистов продолжает оставаться элементом «экзотики», которую можно исказить и пародировать.

Уничтожение прекрасного высокого стиля речи в пользу субъективно-личного низкого и среднего стиля лишило нас языка, обращенного к Богу, сосредоточив внимание носителей языка на банальном «средстве общения». В конечном счете это снижает стилистический уровень языка, обедняет возможности речи, ее красоты и выразительности. Можно негодовать и печалиться по этому поводу, можно бороться с нарушением правильности русской речи во всем богатстве ее стилей. Но если мы оставим путь оскопления русского слова, быть может у нас сохранится еще возможность вернуть и язык, и речь, и высокий стиль. «Вложите вы себе в уши слова сии», как советовал Евангелист, и задумайтесь о будущем. Что мы оставим нашим потомкам? Газетные штампы, разрушенные библеизмы, кучу таких иноземных слов, в которых нет ни смысла, ни порядка, или все-таки богатый, неподражаемый Русский Язык?

LEKSYKA RELIGIJNA W PRASIE ROSYJSKIEJ A PROBLEM POPRAWNOŚCI JĘZYKA

Streszczenie

W ostatnich czasach leksyka religijna często trafia na strony współczesnych rosyjskich gazet i czasopism. Autorzy tekstów publicystycznych używają tej leksyki w celu wyrażenia określonego efektu, ekspresji, kolorytu. Dzięki temu biblizmy często uzyskują nowe przenośne znaczenie, nie mające nic wspólnego ze swym znaczeniem pierwotnym. One właśnie stają się źródłem ironii oraz negatywnej oceny postaci albo opisywanej sytuacji. Taki proces zniekształceń leksyki religijnej świadczy o upadku kultury w mowie Rosjan i obniżeniu poziomu stylu wysokiego w języku rosyjskim.

Słowa kluczowe: leksyka religijna, prasa rosyjska, znaczenie przenośne, kultura języka

RELIGIOUS VOCABULARY IN RUSSIAN PAPERS AND THE PROBLEM OF LINGUISTIC CORRECTNESS

Summary

In recent times religious vocabulary often appears in contemporary Russian newspapers and magazines. Text writers use this vocabulary to achieve a special effect, for emphasis or color. Biblical phrases achieve new metaphorical meaning that has nothing to do with original words. They just become a source of irony, a negative assessment of the person or the situation described. The above process shows cultural decline in Russian speech and writing.

Key words: religious vocabulary, Russian papers, figurative meaning, culture of speech